

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИН

ИЗ БУМАГ ПУШКИНА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“

Москва—1926

ПЛАНЫ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ ПУШКИНА

После смерти Пушкина лица, имевшие доступ к его личным бумагам, обратили внимание на то, что довольно часто в его рукописном наследии попадаются небольшие прозаические наброски довольно непонятного с первого взгляда значения. Наброски эти иногда даже записаны на отдельных клочках бумаги. И первые пушкинские исследователи никакого внимания не уделяли этим наброскам, несмотря на то, что для всякого внимательно вчитывающегося в эти небольшие фрагменты становится ясным, что мы имеем перед собою своеобразные стенограммы первых выявлений замысла автора. Интерес этих стенограмм возрастает еще и потому, что в большинстве случаев они представляют планы таких произведений, которых Пушкин по целому ряду причин не осуществил. И несмотря на то, что программы эти невелики по размерам—от 3 до 10 строк,—насыщенность их так велика, что порой мы имеем возможность воскресить, конечно, не полностью, замысел поэта—и перед нашими глазами встает большое полотно неосуществленного произведения.

И в настоящее время отношение исследователей к этим фрагментам остается крайне небрежным и крайне недобросовестным; поныне большая часть этих планов остается совершенно неизданной, другая часть—неверно прочитанная и плохо прокомментированная—ютится на задворках собраний сочинений—в примечаниях, в отделе «разное». А планы эти почти всегда при внимательном рассмотрении их дают богатейший материал для реставрирования ряда блестящих замыслов, для определения литературных интересов поэта в разные—порой мало освещенные и мало исследованные—периоды его многогранной жизни.

Несколько таких неосуществленных программ и собрано в этом отделе; здесь читатель найдет образец совершенно неизвестного до сих пор плана, пример плохо прочитанного и совершенно не расшифрованного плана и, наконец, третий пример—интересный план, исправно опубликованный, но ничего не говоривший до сих пор из-за его плохой расшифровки.

Первая стенограмма, до самого последнего времени еще неизвестная в печати, вскрывает нам замысел неосуществленной повести из времени Петра I, набросанный Пушкиным в 1834 году.

Следует отметить, что интерес Пушкина к петровской эпохе и к личности Петра был велик в продолжение многих лет его жизни. Еще в кишеневских тетрадах («Исторические замечания») поэт много места уделяет Петру. В 1825—27 г.г он урывками работает над «Арапом Петра Великого», оставшимся, к сожалению, незаконченным. Разные стороны деятельности «рево

люционера на троне» изображены в «Стансах» (1826 г.), в стихотворениях «В надежде славы и добра», «Пир Петра Великого», в «Полтаве»...

В начале 1830 годов Пушкин задумал серьезно приняться за изучение Петра; после ряда настойчивых просьб поэта Николай I открыл ему доступ в целый ряд секретных государственных архивов, материалы которых дали бы возможность ему выполнить вторую крупную научную работу—«написать историю Петра Великого». В 1833 году Пушкин подошел вплотную к этой теме; судя по его переписке, он даже делал шаги для привлечения к сотрудничеству в этой работе известного историка М. П. Погодина. Но так как союз этот не состоялся, то Пушкин принялся за работу один, и в одном из следующих писем своих к Погодину, датированном началом апреля того же года, писал: «К Петру приступаю со страхом и трепетом, как Вы к исторической кафедре».

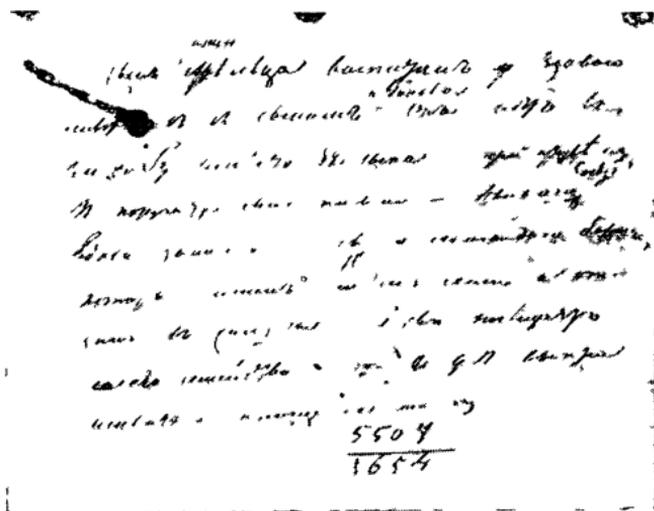
О громадном интересе Пушкина к эпохе Петра свидетельствует в своих воспоминаниях Н. М. Смирнов: «...Петр был идолом Пушкина, и историей его он занялся с любовью, но не хотел начать писать прежде, чем соберет все нужные материалы, и для достижения сего читал все, что было напечатано о сем государе, и рылся во всех архивах. Многие сомневались, чтобы он был в состоянии написать столь серьезное сочинение, чтобы у него достало на то терпения. Зная коротко Пушкина (и мое мнение разделено Жуковским, Вяземским, Плетневым), я уверен, что он вполне удовлетворил бы строгим ожиданиям публики, ибо под личиною иногда вет-

ренности и всегда светского человека он имел высокий пронизательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду малейших обстоятельств в самых дальних предметах, высоко благородную душу, большие познания в истории,—словом, все качества, нужные для историкографа, к которым он присоединял еще свой блистательный талант, как писатель. Нельзя также сомневаться, чтоб у него не стало терпения для окончания столь важного сочинения, ибо он имел в данных случаях твердую волю и благоговение к Петру I, которое вооружало его нужным терпением. Он сие доказал трудами своими в собирании справок, долгим изучением своего предмета, и в глазах знающих коротко Пушкина медленность его в начатии писать историю великого государя служила доказательством его твердого намерения посвятить ей все силы своего разума...» («Русский Архив» 1882 г., книга I, стр. 229—230).

Но Пушкину так и не удалось написать историю царствования Петра I. После смерти поэта в его бумагах было найдено очень много выписок, справок, черновых набросков глав, но в печати появились лишь материалы для трех глав истории и ряд мелких отдельных заметок. Все же записи Пушкина на эту тему до сего времени считались утерянными и лишь недавно были найдены; ныне рукописи эти, громадная часть которых не издана, принадлежит Пушкинскому Дому при СССР Академии Наук и готовятся к печати П. Е. Щеголевым.

В художественном восприятии поэта «гений русской государственности», каким Петр представлялся

Пушкину, был воплощен в «Медном Всаднике», и около этого же времени—в 1833 году—Пушкин, вместо давно заброшенного и незаконченного «Арапа Петра Великого», задумывает вывести Петра в другом прозаическом произведении.

План неосуществленной повести из времен Петра I.
(Воспроизводится впервые).

Это произведение дошло до нас только в виде небольшого плана, который и публикуется нами впервые. Набросан этот план на небольшом клочке золотообрезной бумаги с водяными знаками «А. Г. 1834». Вот полная расшифровка этого плана:

Сын казненного стрелца воспитан вдовою вместе с ее сыном и дочерью; он идет на службу вместо ее сына.

При Пруте ему Петр поручает свое письмо.— Приказчик, сосед вдовы, доносит на своего молодого барина, который лишен имени своего и отдан в солдаты. Стрелец посещает его семейство. И у Петра выпрашивает прощение молодому.

Цифра «10», находящаяся в центре автографа—жандармская; вычисления 5.508—1.654 означают перевод даты летоисчисления от сотворения мира на дату от рождения Христова. Автограф этого замысла хранится в собрании Майковских бумаг; впервые план этот должен был появиться на страницах академического полного собрания сочинений Пушкина.

Во что определился бы этот замысел, если бы Пушкин не умер, можно только догадываться. Может быть, этот замысел, явившийся результатом занятий поэта историей Петра, был бы осуществлен в размерах «Капитанской дочки», явившейся, как известно, из результатов занятий Пушкина по составлению «Истории Пугачевского бунта».

Программа второй повести Пушкина, публикуемая в этом отделе, также не была претворена поэтом в жизнь. Но история этого замысла замечательна тем, что осуществил его другой великий писатель—Гоголь. Мы говорим о плане «Ревизора», вернее, о первой мысли этого произведения, которая, как мы увидим, действительно принадлежала Пушкину.

До последнего времени мы располагали лишь двумя прямыми мемуарными свидетельствами (не считая глухого указания самого творца «Ревизора») о том, что

замысел этого произведения был сообщен Гоголю самим Пушкиным.

Первое из этих сообщений принадлежит графу В. А. Сологубу, который в своих «Воспоминаниях» говорит, что «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в городе Устюжине, Новгородской губернии,—о каком-то проезжем господине, который выдал себя за чиновника министерства и обобрал всех жителей. Кроме того, Пушкин сам, будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена графом В. А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтобы он был осторожен, так как «История Пугачевского бунта» была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя крестным отцом», заканчивает В. А. Сологуб.

Другой рассказ сообщен издателем журнала «Русский Архив» П. И. Бартеневым на основании каких-то неизданных записок о жизни Пушкина: «В поездку свою в Уральск для собрания сведений о Пугачеве в 1833 году Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М. П. Бутурлин. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель, граф Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот, он видит—стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело

в том, что он получил письмо из Нижнего от Бутурлина содержания такого: «У нас недавно проезжал Пушкин; я, знаю, кто он, обласкал его, но должен признаться, никак не верю, чтобы он раз'езжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к Вам расположение; я почел долгом Вам посоветовать, чтобы Вы были осторожнее» и прочее. Тогда Пушкину пришла идея написать комедию «Ревизор». Он сообщил после об этом Гоголю. рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде».

А в «Авторской Исповеди» Гоголя (1847 г.) мы находим следующие строки: «Пушкин отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он не отдал бы другому никому. Это был сюжет «Мертвых Душ». Мысль «Ревизора» принадлежала тоже ему».

Находка этого замысла Пушкина окончательно (на этот раз документально) подтвердила вышеприведенные сообщения. История этого автографа, такова: Ленинградской Публичной библиотекой за-границей у одного антиквара случайно была приобретена связка старинных бумаг, среди которых был небольшой листок в восьмую долю листа с водяным знаком «1832» и красною пометою «76», на котором оказались несколько собственноручных строк Пушкина.

Текст этого автографа в неисправленном и произвольном порядке был дан П. О. Морозовым в одном из про-

плых номеров издания «Пушкин и его современники»
Вот расшифровка его текста:

Криспин приезжает в губернию на ярмонку—его принимают за Audass. Губернатор—честной дурак. Губернаторша с ним кокетничает.—Криспин сватается за дочь.

В левом углу этого автографа Пушкин написал фамилию одного из своих знакомых—«Свиньин»—издателя журнала «Отечественные Записки», которую спустя некоторое время зачеркнул. П. О. Морозов этой записью был введен в заблуждение; не задумываясь, он отождествляет героя этого замысла,—лжеца, с П. П. Свиньиным. Как бы в оправдание этому отождествлению, Морозов тут же замечает, что, мол, этому Свиньину «Измайлов посвятил известную свою сказку: «Павлушка медный лоб—приличное название»(?!).

Конечно, это безапелляционное утверждение исследователя совершенно неверно. А загадочную с первого взгляда фамилию «Свиньин» на этом автографе можно расшифровать следующим образом:

В одну из своих встреч с известным славистом проф. О. М. Боянским (судя по записи в дневнике послед него) Гоголь сказал ему, что «первую мысль к «Ревизору» подал мне Пушкин, рассказав о Павле Свиньине, как он в Бессарабии выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника, и только зашедши уже далеко,—стал, было, брать прощения от колодников—был остановлен». Боянского, как видно, это указание на роль Свиньина очень заинтересовало, и, наведя у близких родственников последнего

справки об этом эпизоде, он, найдя подтверждение этому, позднее рассказывал Кулишу, биографу Гоголя, что «поводом к сочинению «Ревизора» было истинное происшествие, случившееся в Бессарабии с П. Свиным и рассказанное мне его близкими родственниками».

Теперь совершенно ясно, что Пушкин записал на этом автографе фамилию Свинына, как автора рассказа, положенного в основу замысла. Замысел этот он собирался воплотить тем более, что у него к этому факту со Свиным уже наслоилося другое воспоминание—личное,—вышеприведенное у Сологуба и Бартенева. Но так как спустя некоторое время—в 1835 г.—Гоголь в одном из писем к Пушкину просил: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь, смешной или несмешной, но русский, чисто анекдот. рука дрожит написать тем временем комедию», то Пушкин, признавший сам, что у Гоголя есть исключительная способность изображать «пошлость пошлого человека», и рассказал ему свой «чисто русский анекдот» о мнимом ревизоре.

В пояснение замысла Пушкина следует указать, что своего героя для краткости поэт назвал именем популярного типа итальянской *comedia dell'arte*, где имя Крипина олицетворяло добродушную и подчас глуповатую плутоватость.

Содержание же плана, набросанного Пушкиным, можно так расшифровать: «Герой приезжает в губернский город»—«На ярмонку»—вставляет над строкой Пушкин,—значит, в такое время, когда туда съезжаются много посторонних посетителей, неизвестных местным жите-

лям. «Его принимают за Audass» пишет Пушкин; но что должно означать это слово, нам, к сожалению, не удалось выяснить. Может быть это слово неправильно читается нами, но во всяком случае ясно, что это слово должно характеризовать особу высокого ранга. Наконец, «губернаторша с ним кокетничает», и герой «сватается за дочь».

В обрисовке своих героев и развитии действия пьесы Гоголь, как для нас теперь ясно, позаимствовал кое-что из первоначальной Пушкинской основы. Черты главного героя у Пушкина (глуповатость и наивность) у героя гоголевского удержались, а такие подробности действия, как то, что «губернаторша с ним кокетничает», а герой «сватается за дочь» — полностью сохранены в «Ревизоре». Но у Гоголя пушкинский «честный дурак-губернатор» обратился в пройдоху-городничего и, кроме того, в замысле Пушкина нет ни слова о пресловутых «займах» героя, но, без сомнения, атмосфера гоголевского Сквозника-Дмухановского повлияла на честность добродушного пушкинского героя.

Следует отметить еще одно ошибочное предположение в комментариях Морозова к этой программе. Здесь он высказал, между прочим, мысль, что самый этот листок, вернувшийся теперь в Россию из за-границы путем приобретения его у антиквара, был дан Пушкиным Гоголю, который его где-то затерял во время своих заграничных поездок. Но жандармская цифра «76», красующаяся в центре этого листка, делает эту догадку ошибочной, так как она самым категорическим образом указывает на то, что до самого

же впервые, сохранился в богатом Парижском собрании рукописей Пушкина, принадлежавшем А. Ф. Онегину, а ныне переходящем в Пушкинский Дом при Академии Наук СССР. Текст этого автографа опубликован довольно исправно лишь в самое последнее время, но почти весь смысл публикации пропал от того, что комментатор не мог расшифровать в этом автографе одного основного момента. Но для ясности приведем сначала текст этого автографа:

Москва в 1811 году

Старуха, две дочери, одна невинная, другая романтическая—два приятеля к ним ходят.

Один развратный, другой В. б.

В. б. любит меньшую и хочет погубить молодого человека.—Он достает ему деньги, водит его повсюду—Бордель. Настя—вдова etc.

Ночь Извозчик Молодой человек ссорится с ним.—Старшая дочь сходит с ума от любви к В. б.

Комментатор этого фрагмента в сборнике «Неизданный Пушкин», где впервые был приведен этот текст,—Н. В. Измайлов—писал, что «неясно, что должны означать буквы «В б.», характеризующие второго из «приятелей»—расчетливого искусителя, губящего ради своих целей неопытного и легкомысленного («развратного») «молодого человека».

Лишь теперь, благодаря розыскам проф. Ю. Г. Оксман, мы имеем возможность расшифровать всю Пушкинскую схему, которая становится легко объяснимой, если мы инициалы «В. б.» расшифруем как «Влю-

бленный бес», т. е. назовем этот замысел именем того недодешедшего до нас произведения Пушкина, заголовок которого был найден пушкиноведом П. В. Анненковым на обороте одного из пушкинских стихотворений, и где этот, в то время немой заголовок в ряду других заголовков, также неведомых пушкинских произведений, представлял из себя «вид молчаливого сфинкса, не отвечающего ни на какие вопросы».

Датировка этого интересного замысла—1822 г.,—выдвинутая Н. В. Измайловым на том основании, что план этот набросан на обороте записи кишиневского знакомого Пушкина А. Бальша, якобы относящейся к тому же 1822 году, по целому ряду данных оспаривается Ю. Г. Оксманом, который предположительно выставляет другую дату—1826—28 г. г.

Автограф «Влюбленного беса» дает возможность установить один из интересных повествовательных набросков Пушкина—бытовую повесть из московской жизни, навеянную личными воспоминаниями поэта из его жизни в столицах.

Интересно отметить, что замысел этой повести, которая явно мыслилась в 2 планах—реально-бытовом и фантастическом,—оставил некоторый след в позднейшем творчестве Пушкина. Так, «Москва в 1811 году» была Пушкиным воплощена в его, еще недостаточно изученном «Отрывке из неизданных записок дамы. 1811 год», а связь характернейших деталей фантастики «Влюбленного беса» с «Уединенным домиком на Васильевском острове» (произведение Пушкина, недавно разысканное по передаче Титова) раскрыта В. Н. Писной в ее работе, которая появится скором в печати.